

К 110-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева

© Г.Д. Гловели, 2002

17 марта 2002 г. исполняется 110 лет со дня рождения Николая Дмитриевича Кондратьева – выдающегося русского экономиста, человека самобытного дарования и трагической судьбы, чье имя увековечено в названии открытого им феномена – долгосрочных колебаниях экономической динамики «длинные волны Кондратьева».

«Выдающиеся личности, – писал Н.Д. Кондратьев в биографическом очерке о своем учителе М.И. Туган-Барановском, – как светлые точки, горят разноцветными и различной силы огнями на горизонтах прошлого». Горизонты прошлого, на которых мерцает звезда самого Кондратьева, – это история великих цивилизационных потрясений первой трети минувшего века. Это глобальное столкновение экономических интересов и мировая война, революции и гиперинфляции, крушение империй и вековых мировоззрений, «восстание масс» и диктатуры «вождей», биржевой «великий крах» в США и «великий перелом» в СССР. Но это также история «взрыва научного творчества» (В.И. Вернадский), частью которого были протуберанцы «русского синтеза» – обобщающие междисциплинарные концепции, рожденные творческим горением российских ученых. Это, наконец, история экономической науки, которая через пороги национальных школ пробивалась к руслу парадигмы формализованного предельного анализа.

Выдвижение на первый план математических моделей вовлекало в общемировое русло

экономической науки и российский приток (М.И. Туган-Барановский, Е.Е. Слуцкий, В.В. Леонтьев). Но если для экономистов Запада 1930-е стали «годами высокой теории» (Дж. Шэкл), то в СССР наступила мрачная эпоха насильственного снижения научной мысли до плоскости партийной буквы и гулаговского ада. В судьбах «русского синтеза» и его творцов пролегла трагическая борозда – от посмертного уничтожения («тектолог» А.А. Богданов, «Моцарт психологии» Л.С. Выготский) до застенков и лагерей, из которых не многие (как гелиоритмолог А.Л. Чижевский) выходили живыми. Среди загубленных – а десятилетия спустя признанных национальной гордостью – наряду с софиологом П.А. Флоренским, социолингвистом Е.Д. Поливановым, крестьяноведом А.В. Чаяновым, «Менделеевым биологии» генетиком Н.И. Вавиловым, был и экономист-«генетик» Н.Д. Кондратьев.

За 38 лет жизни до ареста в 1930 г. он успел пройти путь от крестьянского паренька из российской глубинки (родом из деревни Галуевская Кинешемского уезда Костромской губернии) до директора первоклассного по мировым меркам Института по исследованию народнохозяйственных конъюнктур, уважаемого эксперта и проницательного теоретика, чей наиболее известный труд «Большие циклы конъюнктуры» (1925), переведенный в 1926 г. на немецкий язык, а в 1935 г. – на английский, не затерялся в анналах мировой экономичес-

кой мысли. Прирожденный исследователь, Кондратьев не чурался и политических бурь эпохи: еще в годы первой русской революции он, будучи 13-летним учащимся церковно-учительской семинарии, вступил в самую массовую тогда российскую политическую партию – социалистов-революционеров. Вращался в рабочих кружках родного уезда, входил в стачечный комитет на знаменитой Выборгской стороне, познал царскую тюрьму. В Февральской революции, по его собственным словам, «принимал активное участие с первых часов»: товарищ (заместитель) председателя Государственной продовольственной комиссии, член Экономического совета Главного земельного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов, наконец, товарищ министра продовольствия в последнем составе Временного правительства и депутат Учредительного собрания по списку партии эсеров. После Октябрьского переворота от первоначально открытого сопротивления власти большевиков (статья «По пути к голоду» в сборнике «Большевики у власти», (Пг.; М., 1918)) перешел к сотрудничеству с ними как экономист-практик и преподаватель, а затем и директор созданного в 1920 г. Конъюнктурного института при Наркомате финансов, успев, впрочем, побывать уже и в советской тюрьме по делу «Тактического центра». Этот инцидент не воспрепятствовал высокому назначению Кондратьева и его командировке в 1924 г. в Европу и за океан, где произошла встреча со студенческим другом Питиримом Сорокиным. Последний предложил содействие в предоставлении Кондратьеву кафедры в одном из американских университетов. Кондратьев отказался и вернулся на родину, где его ждала плодотворная работа, а вместе с ней – большевистское недоверие к профессорам-«спецам» вообще и особое, повышенное внимание партийных «вождей» именно к нему, Кондратьеву...

На посту директора Конъюнктурного института наиболее ярко проявился талант Кон-

дратьева и как организатора (в институте под его руководством работали такие крупные ученые, как Е.Е. Слуцкий, Н.С. Четвериков, Я.П. Герчук, А.А. Конюс, Т.И. Райнов, М.В. Игнатьев), и в еще в большей степени как научного светила. Незаурядное дарование, отшлифованное в межреволюционный период учебой в Петербургском университете, усиленное огромной работоспособностью, окрыленное простором принципиально новых задач и надеждами на востребованность государством и международным научным сообществом, раскрылось в фундаментальных трудах «Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны» (1922), «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции» (1923), «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства» (1924), «Большие циклы конъюнктуры» (1925), «Проблема предвидения» (1926), «Индустриализация С.Ш.» (1926), «План и предвидение» (1927), «К вопросу о дифференциации деревни» (1927), «Критические заметки о плане развития народного хозяйства» (1927) и др.

Штрихи к портрету директора Конъюнктурного института оставил его сотрудник А.А. Конюс, в 30 лет опубликовавший в журнале «Вопросы конъюнктуры» свою первую и прославившую его в международном сообществе экономистов научную статью «Проблема истинного индекса стоимости жизни», хотя степень доктора экономических наук он получил лишь спустя 54 (!) года:

«Невысокого роста, сухощавый – таким запомнился мне Кондратьев. Держался он уверенно, как, надо думать, подобало профессору. В суждениях был прям, часто резок, хотя эта резкость происходила от неподдельной заинтересованности в работе, которой он отдавал себя. Несмотря на огромную занятость, он всегда был открыт для общения.

... Заведование институтом, который по тем временам считался крупным – в нем насчитывалось около пятидесяти сотрудников, – занимало

большую часть его времени. Кроме того, были преподавание в Тимирязевской академии и работа в Земплане при Народном комиссариате земледелия. Помнится, в разговоре с Кондратьевым я посетовал на то, что научное творчество возможно только тогда, когда ученый окружен условиями особого комфорта. «Учитесь работать в любых условиях, – ответил мне Кондратьев, – я приобрел привычку обдумывать свои идеи даже тогда, когда еду на извозчике»¹.

Профессор авторитетной Тимирязевской академии и член многих научных ассоциаций, Кондратьев еще не знал, что свою последнюю – грандиозную по замыслу – работу ему придется писать в застенках, напрягая уходящие силы и не чая увидеть ее опубликованной.

Еще в 1923 г. Л. Троцкий категорически отверг правомерность гипотезы Кондратьева о больших циклах конъюнктуры. В 1927 г. Г. Зиновьев, уже утратив прежнюю власть «хозяина» Петрограда и главы Коминтерна, налепил на нее ярлыки «кондратьевщина» и «манифест кулацкой партии». Наконец, сваливший двух предыдущих Сталин, режиссируя после «великого перелома» «дело Трудовой Крестьянской партии», прямо давал указания своей «железной заднице» Молотову и главе ОГПУ Менжинскому «провести сквозь строй гг. Кондратьева, Юровского, Чаянова и т.д.», «Кондратьева... нужно обязательно расстрелять».

И расстреляли, продержав перед этим 8 лет в камерах Бутырской тюрьмы и Суздальского политизолятора. Поэтому А.А. Конюс уже не смог упомянуть в статье «Экономическая конъюнктура» Энциклопедического словаря Гранат (Т. 51. 1931) поруганного имени своего бывшего руководителя. Убитый преступным режимом ученый не смог увидеть капитального труда самого эрудированного экономиста XX в. Й. Шумпетера «Деловые циклы» (1939), в котором долгосрочные циклы конъюнктуры,

интегрированные в инновационную теорию экономической динамики, получили прочно укоренившееся наименование «длинные волны Кондратьева».

В более позднем монументальном своде «История экономического анализа», недавно переведенном на русский язык, Шумпетер обронил фразу о том, что великие идеи приходят к экономистам в возрасте до 30 лет. Применительно к Кондратьеву это вполне справедливо: сделавшая его имя бессмертным, гипотеза «длинных волн» была четко сформулирована как раз 30-летним автором книги «Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны» (1922). Конгениальность двух ученых проявилась и в присущем обоим сочетании экономического анализа с социологическим. Уже в юношеской работе «Основные учения о законах развития общественной жизни» (1914) Кондратьев сделал первый шаг к «синтетической теории социально-экономической генетики», программу которой наметил и начал претворять в солидную монографию в мучительном заточении 1930-х. Этой работе не дала осуществиться злая воля палачей, отомстивших ученому за верные предупреждения об угрозе кризиса советского сельского хозяйства в случае «сверхиндустриализации», веские протесты против «фаворитирования бедноты» в аграрной политике и «фетишизма цифр» в централизованном директивном планировании.

Ошеломившая мир, в том числе профессиональных экономистов, «великая депрессия» 1929–1933 гг. стала еще одним свидетельством проницательности Кондратьева. С полным основанием он писал в 1934 г.: «...следя отсюда, из тюрьмы, за ходом мирового экономического развития (поскольку до меня доходят некоторые данные прессы), считаю, что некоторые высказанные мною идеи и основанные на них прогнозы получили жизненную проверку и во-

¹ «На старости я сызнава живу, минувшее проходит предо мною ...» (Интервью с А.А. Конюсом) // Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М., 1989. С. 344–345.

шли в фонд признанных положений...»² «Кейнсианская революция» прошла мимо модели длинноволновой динамики, оставив ее на значительное время в «запруде», на периферии макроэкономической теории. Но после структурного кризиса капиталистической экономики в 1973-1975 гг. теория больших циклов привлекла к себе пристальное внимание, в том числе в СССР – еще до полной политической реабилитации ее создателя.

«Волны Кондратьева» стали расходиться – большими или меньшими кругами – по пространству не только экономического знания, но и смежных с ним областей общественных наук – социологии, истории, географии, политологии. Особым почетом модель «больших циклов» пользуется у создателей современных междисциплинарных обобщений – таких, как мировый системный анализ, геоэкономика, теория цивилизаций. Труды по этим направлениям редко обходятся без ссылок на «респектабельные» (Ф. Бродель) кондратьевские волны.

Перемены на родине Н.Д. Кондратьева – с бесславной кончиной в 1991 г. государства, варварски уничтожавшего гениев, – позволили российским ученым, склонив голову перед памятью выдающегося соотечественника, активизировать усилия по воскрешению, освоению и развитию его научного наследия. В том же 1991 г. была опубликована написанная Н.Д. Кондратьевым в заточении обширная монография «Основные проблемы экономической статистики и динамики» – замечательная размахом и глубиной замысла и сохранившая эвристическую ценность. Она существенно обогатила переиздание книг Кондратьева – сборник «Проблемы экономической динамики», вышедший в 1989 г. под редакцией академика Л.И. Абалкина. Тогда же в монографии С.М. Меншикова и Л.А. Клименко «Длинные волны в экономике»

был дан исчерпывающий историографический анализ кондратьевской и других концепций длинных волн, дополненный собственной концепцией авторов. Опыт научно-биографического исследования сделал А.П. Ефимкин в книге «Дважды реабилитированные. Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Юровский» (1991).

Новый импульс исследованиям наследия был дан Международной научной конференцией в марте 1992 г., приуроченной к 100-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева. В рамках работы конференции были созданы Международный фонд Н.Д. Кондратьева (президент Л.И. Абалкин) и Ассоциация «Прогнозы и циклы» (президент Ю.В. Яковец), ставшие организационным центром современной русской школы циклизма (циклов). Эта школа призвана обновить и обогатить традиции отечественной мысли в этом направлении, регулярно проводить междисциплинарные научные конференции, ежегодные Кондратьевские чтения, готовить издания трудов Н.Д. Кондратьева и современных ученых, развивающих его идеи. С 1995 г. российским и зарубежным ученым вручаются золотые, серебряные и бронзовые медали Н.Д. Кондратьева за вклад в развитие общественных наук. В 1999 г. на Международном симпозиуме, посвященном 110-летию классика социологии XX в. и друга Кондратьева П.А. Сорокина, был создан Международный институт Николая Кондратьева – Питирима Сорокина³.

В нынешнем году – юбилейном и для Фонда Н.Д. Кондратьева – пройдут очередные десятилетия Кондратьевские чтения в г. Москве (19 марта).

Адрес Оргкомитета: 117218, Москва, Нахимовский пр-т, 32, Институт экономики РАН, Международный фонд Н.Д. Кондратьева. Тел. (095) 332-40-76, E-mail: ikf@is1.cemi.rssi.ru

² Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М., 1993. С. 512.

³ Организационные инициативы по изучению и развитию традиций «русского синтеза» дополнило учреждение в 1999 г. Международного института Александра Богданова в Екатеринбурге и Москве.